

МОИСЕЕВ А. И.

ПИСЬМО И ЯЗЫК

(К типологическому изоморфизму лингвистических явлений)

Общее соотношение языка и письма можно определить как соотношение первичного и вторичного, «первообразного» и производного: язык — изначальное средство общения людей путем обмена мыслями, письмо — определенное отражение языка, опосредованное им дополнительное средство общения. Этим предопределяются многие типологические сходства, параллелизм — изоморфизм строения и функционирования письма и языка при существенном генетическом (первичность — вторичность и т. п.) и материальном (фонетические — графические средства) их различии.

В проявлении изоморфизма письма и языка условно можно выделить две группы соотношений: 1) изоморфизм общего строения письма и языка (общий, исходный изоморфизм), 2) изоморфизм конкретных или частных проявлений языка и письма.

1. Общий изоморфизм языка и письма. Как известно, глобальное понимание языка теперь расчленено на два противопоставленных понятия — понятия языка и речи с их собственными, внутренними подразделениями. Этому находят соответствия и в письме: «Аналогично тому, как мы различаем язык и речь, и далее в языке — инвентарь и правила функционирования, а в речи — речевые акты и речевые произведения, так, говоря о письме, мы должны различать, с одной стороны, систему письма, включающую инвентарь начертательных знаков и правила их функционирования, а с другой стороны — конкретные акты использования этих знаков и возникающие в результате таких актов письменные тексты» [1]. Постулируется, таким образом, полный параллелизм, изоморфизм сопоставленных явлений, письма и языка. Но это пока лишь самое общее, хотя и четко сформулированное представление исходного изоморфизма письма и языка. Его необходимо конкретизировать, особенно применительно к письму. Есть некоторые неясности в типологии и соотношении явлений также и в сфере языка.

1) Я з ы к и р е ч ь. Отчетливое и принципиальное противопоставление языка и речи возводится обычно к Ф. де Соссюру, хотя сходные идеи отмечают также в трудах современников и даже предшественников Соссюра — В. Гумбольдта (язык как орудие и язык как энергия), И. А. Бодуэна де Куртене и других. С. Д. Кацнельсон пишет об этом так: «Со времен Гумбольдта в теории языкознания продолжался процесс кристаллизации понятий „система языка“ и „речь“. Важнейшими вехами в отработке этих важных понятий явились после Гумбольдта работы Штайнталя, Габеленца, Потемби и Бодуэна де Куртене. Итоги всему развитию подвел в начале нашего века Ф. де Соссюр, в острой и парадоксальной форме отчеканивший понятия „языка“ (langue) и „речи“ (parole) как двух полярных форм существования многообразных и противоречивых в своей совокупности „речевых явлений“ (у Соссюра langage). Понятия языка (системы языка) и речи вошли с тех пор в инвентарь основных понятий общей теории языка» [2]. Этого, добавим от себя, никак нельзя сказать об исходном понятии теории Соссюра — langage, в русском переводе — «речевая деятельность». Такой перевод здесь признается неудачным: «Русский переводчик соссюровского „Курса“ А. М. Сухотин, в целом блестяще справившийся с сложной и трудной задачей воспроизведения тонких и неожиданных ходов соссюровской мысли, не нашел адекватной замены для термина

langage как совокупности всех речевых явлений. И использованный в русском переводе термин „речевая деятельность“ может сбить с толку своим компонентом „деятельность“, подчеркивающим процессуальный момент, отсутствующий в сосюрсовском разграничении понятий» [2]¹. С. Д. Капнельсон предлагает иной перевод термина langage: не «речевая деятельность», а «речевые явления». Термин «речевые явления» навеян, видимо, идеями Л. В. Щербы, но у самого Л. В. Щербы, однако, находим не «речевые», а «языковые» явления, и это вернее, более адекватно отражает существо дела. Имеющуюся здесь языковую ситуацию Л. В. Щерба представил в виде трех аспектов «языковых явлений»: 1) речевая деятельность — «процессы говорения и понимания», 2) языковая система — «словари и грамматики», 3) языковой материал — «совокупность всего говоримого и понимаемого» [4, с. 24, 25, 26].

Схема Л. В. Щербы во многом и существенно отличается от схемы Соссюра (в ее русском переводе): 1) исходное, вершинное понятие определено как «языковые явления», а не «речевая деятельность». Тем самым снимается избыточное подчеркивание «процессуального момента» (С. Д. Капнельсон), так или иначе свойственного языку, но не составляющего его единственного и всеохватывающего свойства; 2) термин «речевая деятельность» сведен с первого, вершинного уровня на второй, вместо сосюрсовского термина «речь», что тоже в определенном отношении улучшает схему, т. к. «говорение» и «понимание», указанные на следующем, третьем уровне, отчетливее предполагаются именно речевой деятельностью, а не просто речью; 3) «словари и грамматики» как реальное воплощение «языковой системы» (у Щербы здесь почему-то использованы формы множественного числа) также хорошо и просто проясняют соответствующий аспект; 4) статус особого аспекта языковых явлений придан языковому материалу, и это следует признать вполне обоснованным.

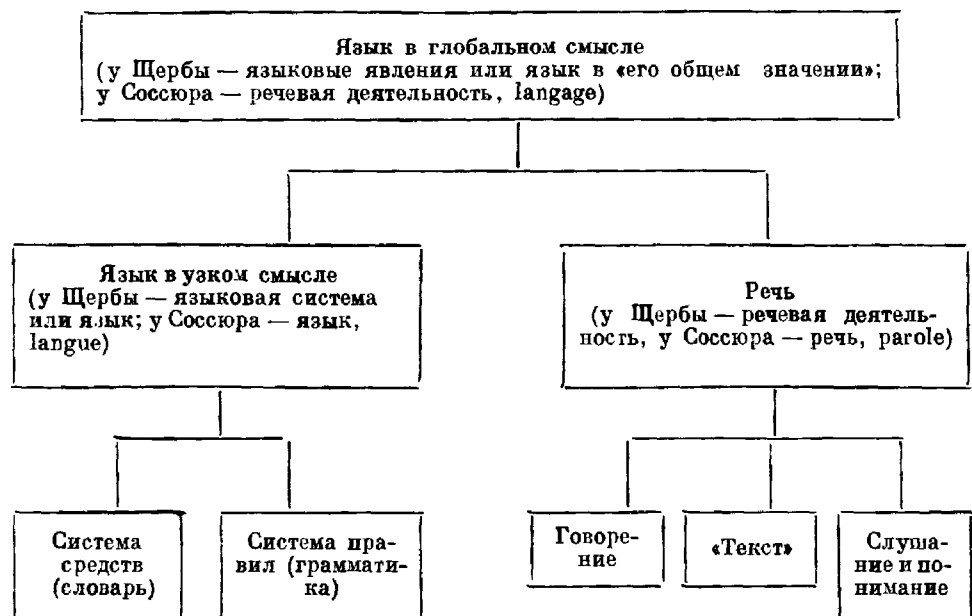
Но и по схеме Л. В. Щербы можно сделать некоторые критические замечания: 1) основное замечание: термины (и понятия) «язык» и «речь» по существу выпали из схемы. Термин «речь» не используется вообще; термин «язык» упомянут, но лишь как возможный синоним к термину «языковая система», и как более предпочтительный, к термину «языковые явления», но все-таки ни в том, ни в другом значении прямо не использован. Приведем соответствующее место из текста Л. В. Щербы полностью: «... словари и грамматики языков, которые могли бы называться просто „языками“, но которые мы будем называть „языковыми системами“, ... оставляя за словом „язык“ его общее значение» [4, с. 25], т. е. значение, обозначенное в схеме термином «языковые явления» (таким образом, за словом „язык“ оставлено его общее значение, но это значение обозначено все-таки не самим словом «язык», а терминологическим сочетанием «языковые явления»); 2) также существенное замечание: «речевой материал» (иначе — тексты) указан как особый аспект в ряду с «речевой деятельностью» и «языковыми системами», но его место, конечно, на другом, более низком уровне иерархии языковых явлений, в одном ряду с говорением и пониманием — собственно деятельностью проявлениями «речевой деятельности» — говорение создает текст, понимание воспринимает его; текст «соединяет» говорение и понимание.

С учетом изложенного можно предложить следующую схему глобального и расчлененного понимания языка (схема № 1; см. с. 70).

2) П и с ь м о. Что и как всему отмеченному в языке (и отраженному в схеме) соответствует в письме?

В приведенном ранее положении Ю. С. Маслова намечены основные контуры предлагаемой здесь схемы, но самой схемы еще нет, нет также терминологических обозначений и определений соответствующих явлений письма. Понятно, что нет поэтому и прямых сопоставлений иерархий явлений письма и языка.

¹ В новом издании русского перевода книги Соссюра предложенный Сухотиным перевод langage как «речевая деятельность» сохранен [3].

В иерархии явлений письма с уверенностью можно отметить пока только одно противопоставление: письмо и чтение. Оно широко используется в методике начального школьного обучения родному языку и в методике преподавания иностранных языков, в частности — русского языка как иностранного. В языковой иерархии этому противопоставлению соответствует оппозиция «говорение — слушание (аудирование)» (точнее, конечно, наоборот: письмо и чтение соответствует говорению и аудированию). Известен также текст, создаваемый письмом и воспринимаемый чтением, что соответствует языковому материалу (устному тексту), создаваемому говорением и воспринимаемому слушанием и пониманием (аудированием). Все остальные узлы и уровни иерархии письма, предполагаемые ее изоморфизмом с иерархией языка, остаются пока неопределенными. Да и в приведенной ее части есть еще неясности.

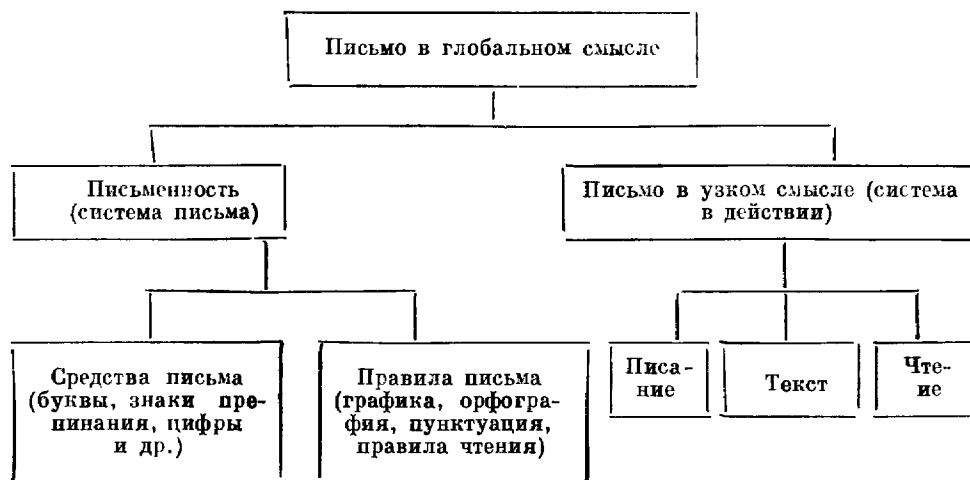
Названные явления письма: письмо, текст, чтение, как сказано, соответствуют говорению, «тексту» и аудированию — составным компонентам речи. Но, во-первых, эти явления письма пока никак не обобщены, т. е. не указаны понятие и термин, соответствующие «речи» в структуре языковой иерархии; во-вторых, «письмо» оказалось поставленным в соответствие не языку, как можно было бы ожидать (ср. обычное сопоставление «письмо и язык», или, наоборот, — «язык и письмо»), и даже не речи, а лишь одному из проявлений речи — говорению.

Второе замечание снять сравнительно легко, т. к. оно касается главным образом некоторой терминологической несообразности, возникшей в результате смещенного, неадекватного употребления термина «письмо»: в оппозиции к «чтению» находится не письмо в целом, а лишь одно из его проявлений — писание, подобно тому, как в оппозиции к слушанию и пониманию в языковой иерархии явлений находится не речь в целом, а только одно из ее проявлений — говорение. Термин «письмо», таким образом, должен быть поднят на предшествующий уровень, в позицию, соответствующую речи.

Речь, как было сказано, противостоит языку. А чему противостоит в своей иерархии письмо? Здесь общепринятого (и привычного) понятия и термина в советском языкознании нет. Можно предложить использовать в этой функции термин «письменность». Письменность — это система средств и правил письма, подобно тому, как язык есть система средств и правил речевого общения. В соответствии с этим письменность будет члениваться на систему средств письма (буквы, знаки препинания, цифры и другие знаки письма; имеется в виду прежде всего буквенно-звуковое

письмо, наиболее совершенный и наиболее распространенный в современном мире тип письма) и на систему правил письма (графика, орфография, пунктуация, общие правила использования цифр и т. п.). Для такого понимания понятия и термина «письменность» есть определенные основания в имеющихся уже в литературе его истолкованиях, например: «Письменность. Совокупность письменных средств общения, включающих понятия системы графики, алфавита и орфографии» [5]. Под письменностью здесь, таким образом, понимаются и средства письма (алфавит), и правила письма (графика и орфография), т. е. то, что и требуется отразить на этом уровне иерархии явлений письма. Приведенному определению не хватает лишь полноты и строгости: не указана пунктуация, а графика как часть правил письма почему-то указана раньше алфавита, совокупности средств письма.

Остается определить и терминировать вершинное, исходное понятие иерархии явлений письма, соответствующее языку в нерасчлененном, глобальном смысле. Определение «в нерасчлененном, глобальном смысле» можно использовать и здесь, в применении к письму: вершинное понятие в иерархии письма — это письмо в глобальном смысле. В целом получается следующая схема (схема № 2):

Итак (см. схемы 1 и 2), можно установить соответствие языка в глобальном, нерасчлененном понимании и письма в глобальном, нерасчлененном понимании: языка как системы (у Л. В. Щербы — «языковая система») и письменности как системы письма; речи и письма в узком смысле; языковых средств (словарь языка) и средств письма (письменные знаки всех видов); правил функционирования языковых средств (грамматика языка) и правил использования графических средств письма («грамматика письма» — графика, орфография, пунктуация); говорения, «текста» речи, аудирования и писания, текста письма, чтения. Отчетливо просматривается, таким образом, полный и последовательный параллелизм, общий изоморфизм письма и языка. Надо при этом, однако, иметь в виду, что терминологически язык и письмо сопоставимы лишь в общем, нерасчлененном, глобальном представлении. Язык и письмо в узком смысле (язык как система средств и правил речевого общения и письмо как система письма в действии) занимают в приведенных схемах несимметричные места: языку соответствует не письмо, а письменность, а письмо соответствует не языку, а речи.

2. Частные проявления изоморфизма письма и языка. Изоморфизм письма и языка имеет и более частные проявления. Здесь ограничимся лишь примерным перечислением их, без детализации и углубленного анализа.

1) Письмо и речь, которую (точнее — текст которой) фиксирует письмо, реализуются в виде трех фаз: в речи это говорение, «текст» и слушание (включая и понимание, в целом — аудирование), в письме — писание,

текст и чтение (включая, конечно, понимание). Средняя фаза в обеих схемах соединяет две крайние: говорение и писание — это создание текста, слушание и чтение — восприятие и осмысление текста.

2) Письмо и речь реализуются двумя (или между двумя) участниками — субъектом и адресатом процесса; говорящий — субъект речи, пишущий — субъект письма; слушающий — адресат речи, читающий — адресат письма. Субъекты и адресаты и в речи, и в письме могут меняться и обычно меняются ролями или функциями. В письме это осуществляется, однако, менее мобильно, нежели в речи (ср. диалог и обмен записками, например, на заседании), но изоморфизм при этом не разрушается.

3) Письмо и речь (и язык в целом) имеют знаковый характер: язык — система звуковых, акустических знаков, письмо — система графических, начертательных знаков. Знаковый характер письма очевиден: буквы, цифры, иероглифы и т. п. — явные знаки, в самом обычном понимании этого слова (а знаки препинания и называются знаками). Знаковый характер языка менее очевиден и не всеми принимается, но отмечен также уже давно, а теперь, особенно под влиянием идей Соссюра, имеет весьма широкое признание. Соссюр писал: «Язык есть система знаков», и далее, в прямом сопоставлении с письмом: «... следовательно, его можно сравнить с письменностью, с азбукой для глухонемых, ... с военными сигналами и т. п. Он только важнейшая из этих систем» [6].

4) Из знаковости языка и письма следует их линейность: знаки (и комбинации знаков) языка и письма производятся (создаются) и располагаются в тексте линейно, один за другим: звук за звуком, слово за словом и т. д., и соответственно — буква за буквой, знак за знаком и т. д. Нельзя одновременно, а в письме и на одном месте реализовать, т. е. произнести или написать сразу две единицы — два звука, две буквы и т. п. Письмо линейно во всех своих типах: буквенно-звуковым, слоговым (например, деванагари), идеографическом, клинописном или иероглифическом. Знаки письма (кроме точки) вообще, не говоря уже о лигатурах и пр., линейны и поэлементно.

5) Из знаковости языка и письма следует также, что письмо и речь — своего рода коды, точнее — реализации соответствующих кодов: речь реализует языковой код, письмо реализует код письменности. Фазы речи и письма служат фазами реализации этих кодов: говорение и писание — кодирование высказывания (мысли), текст речи и письма — своего рода «шифровка», слушание и чтение (вместе с пониманием) — декодирование шифровки. Письмо, будучи вторичным по отношению к языку явлением, оказывается при этом вторичным кодом, кодом кода (письмо — код речевого кода).

Таким образом, и частный изоморфизм языка и письма проявляется вполне отчетливо и в широких пределах.

Изоморфизм письма и языка не исключает, конечно, их различий, прежде всего материального (язык — система акустических знаков, письмо — система графических знаков), но также и типологического характера, и даже в тех же пунктах, в которых отмечен изоморфизм (фазы, участники, знаковость и т. п.): различия являются обычно как бы продолжением сходств и подобий, например, элементы букв линейны, а элементы звуков (ДП) симультанны. Но все это, как и возможная детализация изоморфизма и углубленная проработка возникающих при этом проблем, выходит уже за пределы данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслов Ю. С. Введение в языковедение. М., 1975, с. 301.
2. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, с. 95.
3. Холодович А. А. О курсе общей лингвистики Ф. де Соссюра. — В кн.: *Соссюр* Ф. де. Труды по языковедению. М., 1977, с. 23, сн. 1.
4. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языковедении. — В кн.: *Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность*. Л., 1974.
5. БСЭ, т. 19, с. 571.
6. *Соссюр Ф. де. Труды по языковедению*. М., 1977, с. 54.